

Андрей ПЕРМЯКОВ

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую Академию. Жил в Перми и Подмосковье. В настоящее время проживает во Владимирской области, работает на фармацевтическом производстве. Стихи, проза и критические статьи публиковались в журналах и альманахах «Абзац», «АлконостЪ», «Арион», «Вещь», «Воздух», «Волга», «Знамя», «Графит», «День и ночь», «Новая реальность», «Новый мир» и др. Автор книг стихов «Сплошная облачность» (2013), «Белые тепловозы» (2018), а также трёх книг прозы. Лауреат Григорьевской премии (2014).

КАК ПОЧИНИТЬ СВЕТ

Первое обретение

Время не очень двигалось
и речка не двигалась.
Облака, в принципе, двигались,
но – еле-еле.
Аккуратно собирал голубую жимолость
алкоголик, похожий на Паганеля.

Бывают такие моменты почти египетской темени,
даваемые без подготовки
путём остановки времени –
для малого его постижения за малую остановку.

Малая остановка и разговор короткий,
иначе получится мимо и не о том.
Время есть время. Малая его толика –
облако, ставшее из гиппопотама лодкой.
Жимолость на очках алкоголика.
Жимолость, пожираемая его безобразным ртом.

Иллюзия

Не вечер, но сплошная благодать –
покой и воля.
Кукушка нарушает, так сказать,
нейтральность семантического поля.

Автомобиль, красивый, как баран,
ныряет на холме, ещё ныряет.
Двумя ногами трогает туман,
и пропадает.

Так, будто старый шмель ушёл в кристалл,
так, будто выбыл во вторую лигу.

Так. будто Тот¹, что нас ещё читал
захлопнул книгу.

Привычка

Собирали с терновника виноград –
терние падало в терние, выросло терние.
Получился заросший тернием долгий, предивный сад.
Время стало вечернее.

Время стало располагающим к майским жукам,
затем к июньским хрущам;
располагающим к тёплым простым вещам,
к тщательно жареным овощам,
к неторопливым шагам.
Сделалось тающим.

На воротах, на жимолости и на ограде,
где тени, всяк день качающие,
легли медвяные пади –
медвяные, прилипающие.

Далее приступило время пустого сада.
Явилась всякая малость.
Оказалось, почти ничего не надо –
и почти ничего не осталось.

Остались странные, золотые осы.
Тихо и как-то бескрыло летающие.
Выпали убывающие медвяные росы.
Медвяные, убивающие.

На язя

Тёплые, перезревают сливы,
катятся в сиреневую реку.
Чебурек и липецкое пиво
много лучше просто чебурека.

Вишня, слива, скоро виноград.
Красное, сливовица, вишнёвка.
Ты с утра как чебурашка рад –
получай для пущей радости поклёвку.

Отчего же так скрипят мостки?
Так скрипят, как будто кто-то лишний.
В скрипе слышно: «модусы тоски».

¹ Да, тот Тот – покровитель знаний, изобретатель письменности, начальник Луны.

В сердце, вроде, ничего не слышно.

Циклон

Ветер хитрый такой,
что тучи играют в ладушки.
Мячик катится сам собой –
от бабушки и от дедушки.

Чайка белая как сова, тихая как сова
В тяжком полёте кривляется.
Двигается плоско, едва-едва –
Сопротивляется.

Одуванчики понимают: беда.
Стесняются, прячут лица.
Капля падает навсегда.
Мячик катится, чайка садится.

Розыоблака

Когда Ему никто не помешает,
в последней красоте на небеса
взойдёт не то чтоб самая большая,
но самая последняя гроза.

Мелькают страшные, но реже, реже, реже.
За так, не порождая, не губя.
И распускаются – так хороши, так свежи –
спокойные для неба и себя.

Ветряные театры

Там, где бесчинная свалка,
где тонкий дымок над свалкою,
струнный оркестрик жалкий
странно играет жалкое.

Это переложение – пьеса для ниток и ветра,
пьеса для ветра и велосипедных рам.
Пьеса для маленькой свалки в тридцать квадратных метров,
пьеса для воробьиных и галочьих мелодрам.

Музыка не удаётся, толстая плёнка морщится;
Морщится толстая плёнка на сломах бетонных плит.
Вдоль по бетонным плитам проволока волочится.
Проволока играет, проволока звенит.

Звенит, потому что Пасха, а значит у каждого Пасха:

у каждой смешной сороки, у каждого муравья,
у каждой брошенной куртки, у каждой засохшей краски
тоже, наверное, Пасха, только совсем своя.

Своя особая Пасха, Пасха для нелюбимых,
Пасха щедущных, порочных, битых по нашим грехам.
То, что колеблемо ветром, то, что поколебимо,
порушено и непрочно, то подлежит стихам.

Хурул

«Существует страдание, существует причина страдания».
Это очень понятно. Особенно – правильным летом.
Потому мимолётное крупное здание
Наполняется светом.

Разделяется свет на крупинках цветного песка.
Наполняются розовым светом косые личины.
– Существует тоска. В основном существует тоска.
– А причина?
– Откуда причина?

6:50

Ломкие дождевые черви на розовой апрельской земле,
жабы, вынутые на розовую апрельскую землю.
Первый, но сразу большой мотылёк на велосипедном руле,
ящерка-кёндзале² в первом тепле безупречно дремлет.

На дверях гастронома жёлтое объявление:
«В продажу уже поступила рассада брюссельской капусты».
Слово «уже» наполняет нутро безупречной ленью
(«нутро» здесь точнее, чем сердце, в сердце покамест пусто).

Можно сидеть на крыше и долго никто не найдёт:
такое бывало до победы мобильного телефона.
На велосипедном руле по ночам ещё намерзает лёд,
самолёт моргает четвёртой звёздочкой в поясе Ориона.

Мир и всё прочее сильно напоминают синицу.
Происходит немало иного предивного – это я вкратце.
Только сейчас бы, вот прямо сейчас бы, остановиться.
Только сейчас бы, прямо сейчас бы не просыпаться.

Касание

У меня есть домик на Новой Риге.

² Кёндзале – ящерица (удмуртский).

Правда, не домик, а маленькая квартирка.
Я играю в различные игры, но в третьей лиге.
Если б умел, выступал бы в цирке.

Иногда я пишу статьи о литературе и биохимии.
Иногда добровольно пишу, иногда по заказу.
Те, что пишу по заказу, получаются очень плохими.
Те, что пишу добровольно – получше, но тоже не сразу.

Тут главное – остановиться после вводной: «а мог бы...».
Я правда не мог. Честное слово: не мог.
Только однажды проснувшись, видел у изголовья
чуть розоватый, неместный такой дымок.

Немое кино

Отъезжающие уезжали,
проводящие провожали.
Свет жалил.
Проводница пищала,
точно кобылка трещала:
– Провожаящие выходим,
отъезжающие заходим.
Свет жалил,
тётка пищала.

Собака бежала.
Вторая собака бежала.
Свет жалил.
Милая говорила.
Мило так говорила.
Через стекло говорила.
Было.

Летняя терраса

Когда говорят: «Неплохое, но как-то слишком»,
и ещё говорят: «Парковка на триста мест»,
и ещё говорят: «У меня будет новая книжка»,
мне кажутся вечер и аккуратный лес.

В нём дети сидят у костра, рассказывают сказки из книг,
в «замри-отомри» играют и в города играют;
кто-то большой и добрый пристально смотрит на них.
Затем пожирает.

О финале карьеры

Ты просыпаешься, а самолёты летать не могут.

И вертолёт не могут.
Так-то никто не разбился:
кто улетел, так же и приземлился,
но больше уже не взлетит.
Как бы воздух переменялся –
машешь руками, а воздух искрит.

Птицы летают, бабочки там, жуки.
Мыши летучие, они рукокрылые, а нам не с руки.

Ну, и вот. И, стало быть, всё иначе.
А ты говоришь: живи, мол, как жил.
Ты говоришь, чего, дескать, плачешь?
К старости, говоришь, чего-то да отложил?

Сам-то прикинь: вот ты самолёт-самолёт,
А взлетать тебе – как суицид.
Такой вот нескучный лёд.
Коцит.

Белла чао

Идёт себе война нестрашная.
Идёт давно и как-то странно:
в лесу большие немцы кашляют,
а говорят, что партизаны.

Ну, да: ребята ходят в горы.
Затем их называют «пленные».
Но синьорины у заборов
кричат, как будто довоенные.

О чём-то о своём, о девичьем;
звук отражается, и снова.
Здесь Оцуп Николай Авдеевич
под кипарисом ждёт связного.

Созвездия

Самое в городе – это трамвайные кольца.
Как олимпийские кольца, только трамвайные кольца.
Как олимпийские кольца, как постаревшие лица.
Жёлтый вагон теми кольцами движется, будто бы молится,
рыжий и старый так движутся, точно не движутся.

Кроме колец, в городах есть ещё зоопарки.
И непременно два исторических дома,
брошенных в улице, точно ботинки-распарки,
брошенных в город, как в поле бросали солому.

(В этих буквах главное,
что солома колется:
Домики забавные,
но кольца...)

От зоопарка в кольцо мимо улиц скучают трамваи.
Двигутся, бренькают, трутся, а всё же скучают.
Бренькают, движутся, трутся звенят-извиняют.
Так извиняются, будто бы сами прощают.

Ты не прощайся. Усни и сойди на конечной,
где в чёрном-чёрном, прозрачном небесном оконце
гонят Большой Муравей и Минувший Кузнечик
призраки жёлтых вагонов по призрачным кольцам.

Борщик

Светлане Рядченко

Как осветлить бульон,
Как удалить жир,
Как осветить небосклон,
Как починить мир —

Странная диалектика,
Тонкая аналитика:
Такая в этом эклектика,
Что, в общем, уже политика.

Не переделать, нет
Даже не подчинить,
Просто найти ответ:
Как починить,
как починить свет?
Как. Починить. Свет.
Как починить, Свет?